

М.Ю. МЕЛЬЧАКОВА

К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ

(на примере средневекового Новгорода)

Со второй половины XX в. тема античной демократии, прежде всего афинской, оказалась одной из самых популярных в антиковедении на Западе¹. Однако вопрос о возможных сопоставлениях с Древней Русью не возникал. В советской историографии сам термин “демократия” относительно древнерусского государства не использовался и сейчас считается спорным. Но, вместе с тем еще на рубеже XIX — XX вв. появление нового термина — “вечевая республика” — в трудах русских историков означало возникновение нового направления, сближающего политические реалии древнерусского общества, прежде всего Новгорода Великого, с древнегреческими республиками. Именно такая позиция в отношении древнерусской демократии — принятие эталоном сравнения древнегреческую демократию — снимает многие недоразумения. Современное государственное демократическое устройство западно-европейских стран, ставящее своей задачей защиту прав человека, характерно для своего типа демократии². Древнерусское государство находилось на другом уровне развития, для которого была характерен свой тип демократии — античный. С этих позиций рассмотрение проблемы существования древнерусской демократии как определенной формы античной и, отчасти, сословно-феодальной демократии средневековой Европы, достаточно обосновано. Важно учитывать и то, что сама постановка проблемы позволяет выйти на цивилизационный уровень изучения древнерусского государства и рассмотреть его в контексте развития других государств.

Общеизвестно, что термин “демократия” по происхождению греческий. Самый распространенный перевод — “правление народа” или, по Аристотелю, “правление большинства” — четко ограничивает сферу применения понятия. Это прежде всего сфера взаимоотношений власти и общества, которые выражаются в системе управления данным обществом. Однако сама демократия, определяющая развитие человеческого общества в разные периоды истории, выходит за рамки античности. И потому правильное рассматривать демократию как общественно-историческое явление, наполняющее своим содержанием политическую, правовую, культурную стороны человеческой деятельности. Но именно политика как форма взаимодействия власти и общества в области внутригосударственного управления, позволяет наиболее четко проследить элементы демократии на практике. Последнее связа-

но с двумя моментами. Прежде всего, любая система управления должна отличаться известной устойчивостью и равно охватывать всю территорию. Кроме того, она, как правило, зафиксирована в источниках. Одновременно с этим, демократия в системе управления имеет наиболее характерные показатели — обязательное участие народа в политической жизни общества и, при определенном уровне развития государственности, наличие института представительства, существование системы выборных должностных лиц. Именно эти показатели и позволяют рассмотреть проблему существования древнерусской демократии в сфере системы управления.

В настоящее время считается признанным наличие двух центров государственности в Древней Руси: Киева и Новгорода. Главное различие их заключалось именно в системе управления. В Киеве стал доминировать индивидуальный принцип управления (институт княжества). В Новгороде получило распространение сочетание обоих принципов (князь и вече). Но и в том, и другом случае можно говорить о наличии двух элементов структуры власти — института княжества и веча, о разграничении их функций, о письменной фиксации их взаимоотношений в виде договорных грамот и о формальном доминировании веча. Все это составляет реальную основу для существования древнерусской демократии. Однако, если в Киеве эта система практически не получает развития, Новгород демонстрирует последовательное и завершенное воплощение начал древнерусского политического уклада.

При сопоставлении форм правления Новгородской республики X–XV вв. и античных полисов V в. до н.э., помимо терминологических и временных различий, следует учитывать одну очень важную деталь. Классический полис занимает небольшую территорию, что делает возможным существование “прямой демократии”. Новгородская республика, напротив, занимала пространство практически всей Северо-Западной Руси. Следовательно, прямой перенос полисной системы управления на Новгород невозможен. Вместе с тем, сопоставление все-таки может получиться. Новгород X–XV вв. представлял собой политический организм со сложным административным устройством, которое предполагало другой уровень демократии — “представительную демократию”. Но демократия и того, и другого уровня имеет одну основу — прямое или опосредованное участие народа в процессе управления. Такая разница в одних только масштабах значительно усложняет схему управления государством. А потому при сравнении нельзя не учитывать наличие как центральной, так и местной власти. С другой стороны, значительная территория предполагает определенную административно-политическую структуру. Так, новгородские владения по степени пользования правом на внутреннее управление распределяются по трем разрядам земель. Это административные единицы глав-

ного города, обладавшие значительной автономией, пригороды и близлежащие к Новгороду волости с сильно урезанным самоуправлением и отдаленные завоеванные земли, колонии, полностью лишенные права голоса в общегосударственных делах и управляемые присылаемыми из центра должностными лицами¹. Подобное деление Новгородской земли по степени развития местного самоуправления и позволяет оценить развитие демократических тенденций для каждой категории земель. Действительно, именно самоуправление предполагает возможность наибольшей включенности населения в политическую жизнь общества, а потому рассмотрение уровня развития самоуправления позволяет выявить степень демократизации системы управления.

Государственное устройство Новгородской земли получило название феодальной республики, то есть такого устройства, при котором высшие органы государственной власти либо избираются, либо формируют представительные учреждения. Трехчленная структура центральной власти в Новгороде включает в себя оба принципа. Так, княжеская власть предполагает систему призвания нужного князя и заключение с ним своеобразного договора — ряда, подтверждавшего новгородские вольности. Вече, если принять точку зрения относительно его ограниченного состава, представляет принцип представительства. Несмотря на то, что реальное управление государством было сосредоточено в руках посадников, тысяцких, владык, боярского совета, все эти органы черпали полномочия в вечевом решении, обращались к вечу за утверждением важнейших дел и в любой момент могли быть отстранены от власти волей веча. Ни в одной другой русской земле жители не чувствовали себя столь причастными к управлению и не были столь политически активны, как в Новгороде и отделившихся от него Пскове и Вятке. Так, приоритетная позиция веча, аналога народного собрания, свидетельствует о сильных позициях демократии на уровне аппарата центрального государственного управления. Однако необходимо учитывать неизбежный формальный характер подобной демократии. Функции веча, глобальные по характеру, делали его роль в управлении достаточно условной. Но и княжеская власть, обладая всей полнотой исполнительной власти, была по сути надобщиной. Это означало, что реальное управление было не в его компетенции. Центральная власть была призвана решать те проблемы, которые невозможно было решить на местном уровне (например, внешнеполитические, военные), либо выступала в роли судьи-посредника во внутривнутриполитических конфликтах. Все же остальные вопросы решались исключительно местными властями, образовавшими систему самоуправления.

Согласно современным концепциям происхождения Новгорода, город изначально состоял из нескольких самостоятельных частей, объединенных вместе. На их месте позднее возникают древнейшие концы:

Людин, Неревский и Славенский. Таким образом, сам Новгород на протяжении всей своей истории представлял собой сложное политическое целое с определенной административно-территориальной структурой. Логично предположить, что основой этой структуры могла стать только общинная организация. Именно она принесла с собой древние традиции самоуправления. Так, самоуправляющаяся община на протяжении всей истории древнего Новгорода являлась основным звеном местных административно-территориальных структур. В городе существовала четкая иерархия общинных структур, низшим звеном которой была уличанская организация. Следующей ступенькой были концы, которые, в свою очередь, образовывали городскую общину. В.А.Буров, рассматривая структуру общин Новгородской земли, выделяет 12 основных черт, характеризующих каждую структуру⁴. Наличие этих черт не только позволяют говорить об исконности системы самоуправления, но и об элементах демократии на уровне каждой общинной структуры. Активное участие жителей Новгорода в системе местного управления выражается во многом. Прежде всего, уличанское и кончанское вече гораздо ближе к греческому эталону народного собрания и по составу (при масштабах улицы и конца можно с известной долей уверенности говорить о всеобщности), и по кругу решаемых вопросов (конкретных, текущих). Наличие “общин”, “бесед уличских”, “гридни” для уличанского управления, братчин, суда значительно расширяло возможности реального участия народных представителей в политической жизни города. Даже если учитывать тот факт, что подобные образования носили явно административный и экономический характер, они все равно были объединениями, представлявшими горожан либо на кончанском, либо на общегородском вече. Широко использовался принцип выборности, а значит, существовал и выборный управленческий аппарат, состоящий из посадников, тысяцких, старост, сотников, десятских, “добрых людей”. Компетенция их включала благоустройство, соблюдение порядка, разбор споров между жителями конца, выполнение уличанских, кончанских и общегородских повинностей. С другой стороны, все общинные организации, как на уровне концов, так и на уровне улиц, обладали равными правами в конкретных делах управления и суда. Последнее не только объясняет частые столкновения концов и улиц между собой, но и позволяет говорить о показателях демократии в системе местного управления и на уровне всего города. Итогом же является то, что можно вполне определенно говорить об элементах демократии в системе управления Новгорода — города как на уровне центральной, так и на уровне местной власти.

Город Новгород, политический, экономический, культурный центр всей Северо-Западной земли, всегда отличался стремлением к политической свободе, и потому неудивительно, что демократия получила там

свое воплощение. Совсем другое место, как кажется, среди новгородских земель занимали пригороды и ближайшие волости. Подтверждением этого служит ставшее классическим место в Лаврентьевской летописи под 1176 г.: “Новгородцы бо изначала, и смольняне, и кыяне, и полоча-не, и вся власти, якоже на думу, на вече сходятся, и что старейшие сдумают, на том и пригороды стануть”⁵ Вятская, Шелонская, Обо-нежская, Деревская, Бежецкая земли были заселены в основном выходцами из Новгорода, воспроизводившими и его государственный строй с теми изменениями, которые диктовались обязанностями по отношению к центральной власти. Их было около тридцати, они назывались пригородами, а вокруг них формировались волости. Самостоятельное развитие пригородов, естественно, затруднялось наличием уже существующего крупного политического центра, каким был Новгород Великий, что отразилось прежде всего на структуре управления. Пригороды физически были вынуждены считаться с Новгородом (новгородскими знатью и вечем), а это означало прямое участие последних в процессе управления. Выражалось это в назначении посадника. “Посаженный Новгородом” посадник, стоящий на верхней ступеньке системы управления, свидетельствовал о прямой зависимости пригорода от Новгорода. Таким образом, пригороды и волости были включены в состав Новгородского государства отнюдь не на демократических началах. Взаимоотношения между ними были похожи на отношения сюзерена и вассала, то есть касались в основном внешнеполитической сферы.

Однако этим вопрос о пригородах не ограничивается — на местном уровне ситуация была обратная. Прежде всего, для волостей также была характерна определенная иерархия общин, подобная той, которая была в Новгороде: деревня — конец — волость. И хотя важные, с позиции рассмотрения демократии, черты (своя выборная администрация, свое вече, судопроизводство) наблюдаются лишь для волости, объяснить это можно без всякого ущерба для проблемы. Сельские жители, то есть представители деревни и конца, всегда были более аполитичными, а однородность социального состава облегчала решение спорных вопросов. Но само наличие самоуправляющихся общин, повсеместно, как кажется, образующих структуру общества, говорит о многом. Местная система управления, обеспечивающая нормальное функционирование общества, не может обойтись без привлечения населения, без какого-либо принципа выборности, а, значит, и без признания равных прав на то, чтобы быть избранными. Следовательно, для пригородов также были характерны определенные черты демократии, распространявшиеся, правда, лишь на уровень местной власти.

Совершенно особое место среди новгородских земель занимали колонии. Тер, Пермь, Юрга. Вологда, Вятка действительно считались владением Новгорода, но связь с ними очень часто ограничивалась тор-

говыми операциями. Неудивительно, что местные обычаи и внутреннее управление их оставалось нетронутым, и во многих местах колонисты не имели постоянной администрации. Формально права колоний на самостоятельное внутреннее управление были еще меньшими, чем у пригородов. Но на деле получалось, что, за исключением экономической сферы, они оказывались даже более независимыми от Новгорода, чем пригороды.

Для более позднего периода истории Новгорода (XIV — XV вв.) имеет смысл говорить и об еще одной особой категории земель. Это так называемые черные погосты — волости — ряд пограничных волостей (Великие Луки Ржева, Холмовский погост, находившиеся в совместном владении Великого Новгорода, Литовского, а затем и Московского государств). Исследователи неоднократно обращали внимание на сходство форм судебной организации и территориально-административного управления в XIV — XV вв. Подвижня с тем, которое отражено в Русской Правде⁶. И действительно, активное участие мирской организации в отправлении повинностей и в осуществлении суда, право мирских выборных властей распоряжаться землей, официальное признание самоуправления явно отличает Двинскую землю от других новгородских волостей. Объяснение тому напрямую связано с самим статусом территории — спорной. Борьба за территорию позволила сильнее выразиться демократическим тенденциям развития древнерусского общества.

Итак, создается впечатление, что Новгород был воплощением соединения противоречивых начал: самоуправление главного города сочеталось с урезанными правами пригородов и особенно отдаленных земель. Наделяя концы значительной самостоятельностью и выборной администрацией, Новгород выступает по отношению к пригородам и волостям как строго централизованное государство, управляющее провинциями через должностных лиц, назначаемых центром. Однако более конкретное исследование позволяет устранить такое противоречие. Действительно, необходимо четко различать два уровня власти — центральной и местной. Подчинение, выраженное в урезанности некоторых прав, проявляет себя отнюдь не в системе управления. Здесь политическое доминирование Новгорода было достаточно условным, вершущим. Назначение посадника было формальным актом признания этого доминирования. Отношения центра и волостей (равно как и колоний) укладывались в рамки отношений сюзерена и вассала. Это означало большую самостоятельность в местном управлении, а значит и большую включенность народа в структуру управления.

Следовательно, необходимо признать развитие демократических начал не только для метрополии — Новгорода, но и для всей новгородской земли. Последнее тем более важно, что подобное развитие не было

обусловленно каким-то внешним фактором. Элементы демократии в политической культуре Древней Руси были основаны на мощных общинных традициях. Именно община была сосредоточием древней демократии. Ведь демократизм можно рассматривать как определенную схему социального устройства, устанавливавшую правила особых отношений равенства, братства для определенного социума. Границы этого социума и устанавливала община.

Рассмотрение проблемы существования древнерусской демократии, даже исследуемой лишь на внутрисполитическом уровне, позволяет сделать важные выводы. Прежде всего, существование элементов древнерусской демократии, имеющих свои корни, убеждает в том, что само явление античной демократии не является прерогативой только Древней Греции. Античная демократия выступает как естественная при определенных условиях ступень развития человеческого общества. Вместе с тем, признание существования новгородской демократии — это яркое доказательство включенности Новгородской Руси в сферу западноевропейской политической культуры. Новгород в разные временные промежутки, с X по XV в., вначале проявляет сходство с древнегреческими республиками, а к XV веку — и с сословными феодальными республиками средневековой Европы. В этом случае Новгород оказывается уникальным примером относительно гладкого перехода с одного исторического типа демократии — античного на следующий — феодально-сословный тип демократии.

Таким образом, существование новгородской демократии не вызывает сомнения. Но это совсем не означает, что построение демократического общества в России следует начинать с истории Новгорода Великого. При всем развитии демократических начал, характерных для его времени, понятия свободы и равенства отличались от тех, к которым мы привыкли. Свобода в древних обществах была относительной, поскольку всегда была сила, сдерживающая ее — традиция, сама община. Понятие равенства распространялось лишь на равных по своему положению. Статьи Русской Правды, выделяющие отдельно свободных и отдельно зависимые категории общества, не могла признать всеобщего равенства перед законом. И потому демократические тенденции политического развития Новгородской Руси можно воспринимать лишь как доказательство того, что древнерусское общество развивалось в том же направлении, что и общество Западной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Проблемы античной демократии в современной англо-американской историографии. М., 1990.

² Ковлер А.И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. М., 1990.

³ Графский В.Г., Ефремов Н.Н., Карпец В.И. и др. Институты самоуправления: Историко-правовое исследование. М., 1995. С. 136.

⁴ Буров В.А. Единство структур общин Новгорода и Новгородской земли в XIV–XV веках // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научной конф. Новгород, 1992. С. 64–68.

⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 377.

⁶ Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 183.

Е.А. ПОЛЕТАЕВА

**ВКЛАДНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ
АРХИЕПИСКОПА НОВГОРОДСКОГО
И ПСКОВСКОГО МАКАРИЯ
“В ДОМ СЯТОМУ СОБОРУ
АРХАНГЕЛУ МИХАИЛУ
ВЪ ЕРУСАЛИМ СЯТЫЙ НА ПОЛАТЕХ...”**

В Древлехранилище ЛАИ УрГУ имеется Евангелие апракос¹ с вкладной записью 1540 г. архиепископа Новгородского и Псковского Макария². Исторической науке уже было известно вкладное Евангелие тетр Макария, положенное им в 1534 г. по своим родителям — Леонтию и инокине Ефросинье, в Пафнутьево-Боровский монастырь³, где в феврале 1523 г. принял постриг будущий митрополит Московский и всея Руси. Кодекс из коллекции ЛАИ УрГУ — второе известное дарственное Евангелие (в Приложении I мы помещаем полное описание этой рукописи). В отличие от вкладного Евангелия Макария в Пафнутьево-Боровский монастырь, над которым, кроме “доброписца чернописмена, сиречь книжнаго”, трудились еще и “живописец иконный”, “златописец заставочный”, “статейный писец”, “златокузнец” и “сереброкузнец”, Евангелие в дар “собору Архангела Михаила” достаточно скромно оформлено. Главным “украшением” книги является автограф архиепископа Макария, расположенный на первом листе рукописи. Маргиналия на кодексе выполнены крупным полууставом XVI в., с несколько закругленным и вычурным написанием литер. Сравнительный анализ записи на апракосе ЛАИ УрГУ (рис. 1) с другим известным автографом Макария 1526 г. (рис.2), опубликованном в описании Синадальной библиотеки⁴, позволил предположить, что запись сделана рукой владыки.

Отличием записи Макария 1540 г. от почерка 1526 г. является округлость литер и титлов, вызванная, на наш взгляд, дарственным характером самой записи на апракосе. Две записи отделяет срок в 14 лет,